

Трагедия Европы: От кризиса 1939 года до нападения на СССР

Под редакцией Александра Чубарьяна и Хорста Мёллера
по поручению Совместной комиссии по изучению новейшей
истории российско-германских отношений

Oldenbourg Verlag München 2013

Проект был поддержан Совместной комиссией по изучению новейшей истории российско-германских отношений и финансируван из средств Федерального министерства внутренних дел Германии.

Ответственность за содержание авторских статей несут авторы.

Редакция

в России: Виктор Ищенко, Александр Борозняк

в Германии: Юрген Царуски, Юлия фон Зааль, Верена Брунелль, Галина Велданова

в сотрудничестве с секретариатом германской части совместной комиссии (Эберхард Курт)

Первый том «Сообщений» не продается через книжные магазины, его можно приобрести лишь в Немецком секретариате Комиссии (см. контакты).

Библиографическая информация Германской национальной библиотеки

Германская национальная библиотека внесет данную публикацию

в Германскую национальную библиографию; подробные библиографические данные можно узнать в интернете: <http://dnb.d-nb.de>.

© 2013 Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, München
Rosenheimer Straße 143, D-81671 München, Tel. 0049 (0)89/45051-0
<http://www.oldenbourg-verlag.de>

Настоящее произведение, включая все изображения, защищено авторским правом. Каждое использование произведения, нарушающее границы закона об авторских правах и не имеющее согласия издательства недопустимо и наказуемо. Это касается, в первую очередь, воспроизведений, переводов, микрофильмирований, а также и накопления в памяти и обработки в электронных системах.

Отпечатано на нестареющей бумаге (DIN/ISO 9706), не содержащей кислоты (осветлена без употребления хлора).

Набор: Kraus PrePrint, Landsberg am Lech

Печать и переплет: Grafik+Druck GmbH, München

ISBN: 978-3-486-73608-3

Чесловас Лауринавичюс

Литва в кризисные 1938–1940 годы: внешние и внутренние проблемы

Литве в течение двух лет (1938–1940 гг.) было предъявлено, по меньшей мере, четыре ультиматума, которые могли привести к утрате ею государственного суверенитета. Однако вектор эволюции этого процесса не был однозначно прямолинейен, особенно если рассматривать его не только с точки зрения внешней, но и с точки зрения внутренней политики.

Потеря Клайпеды

17 марта 1938 г. Польша предъявила Литве ультиматум с требованием установить дипломатические отношения, что было воспринято многими в Литве как требование отказаться от борьбы за Вильнюс. Это событие стало существенной предпосылкой утраты Литвой Клайпеды. На следующий день, когда литовские дипломаты еще лихорадочно искали помощи и защиты от давления со стороны Польши, германский канцлер Адольф Гитлер издал директиву, предписывающую вермахту «занять Клайпедский край, если между Литвой и Польшей начнется война». Тогда же министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп ознакомил литовского посла в Берлине Юргиса Шаулиса с 11 требованиями – своего рода ультиматумом, по которому Литва должна была отменить военное положение в Клайпедском крае и отказаться от запрета пронацистской деятельности на данной территории.

Такое развитие событий было предопределено относительно пассивной реакцией Советского Союза, возможности которого в то время сильно ограничивались как спадом популярности идеи коллективной безопасности на международной арене, так и политическими репрессиями в самом Союзе. Принятие Литвой 19 марта польского ультиматума в геополитическом смысле означало крушение известной «оси Каунас–Москва», существовавшей с 1920 г. и служившей опорой для Литвы в ее противостоянии как с Польшей, так и с Германией.

Правда, выполнение требований фон Риббентропа не было строго определено сроками, поэтому у литовских дипломатов еще оставались возможности для маневра. Тем более, что с весны 1938 г. правительство Третьего рейха было занято проблемами судетского кризиса. Литовские дипломаты стали лавировать: с одной стороны, правительство начало поочередно, но неспешно, выполнять германские требования, а с другой, – питать надежды на то, что судетский кри-

зис позволит государствам Европы общими усилиями затормозить германский экспансионизм. Основную ставку литовская дипломатия делала на возможность продолжения политики коллективной безопасности, и в противоположность другим малым странам отказывалась от линии на нейтралитет.

Однако с лета 1938 г. в европейской политике стали преобладать тенденции пресловутого «умиротворения потенциального агрессора». Ведущие в политическом смысле страны Великобритании и Франция взяли курс на договоренности с Германией за счет стран Центральной и Восточной Европы. Они стремились избежать ситуации, при которой Советский Союз мог бы активно включиться в европейские дела. По этой причине на малые страны, соседствующие с Советским Союзом, в частности на Литву, усилилось давление. От нее потребовали, чтобы она приостановила свои обязательства по 16-му параграфу устава Лиги наций и отказалась бы пропустить через свою территорию войска, идущие на помощь жертве агрессии.¹

Литва пыталась сопротивляться этому давлению, поскольку изоляция Советского Союза означала бы для Литвы увеличение опасности, исходящей от Германии (и, возможно, Польши). В июле 1938 г. Москву с неофициальным визитом посетил Антанас Меркис – политик, близкий к президенту Литвы Антанасу Сметоне. Видимо, Меркису было поручено прозондировать намерения советского правительства – не в последнюю очередь потому, что экспансия рейха в сторону Клайпеды могла восприниматься как один из стратегических этапов подготовки нападения на СССР. В Москве Меркиса принял нарком иностранных дел Максим Литвинов, а в «Правде» появилась статья, в которой осуждались фашистские устремления в Клайпедском крае.² Но очевидно, что более конкретных и значимых результатов Меркис не достиг. Советское руководство, учитывая позицию западных стран, могло рассматривать Литву лишь как второстепенный фактор для обоснования своего стратегического курса. Тем более, что в то время Москва уже получала заманчивые предложения из Берлина. Таким образом, Литве не оставалось ничего другого, как только поддаться усилившейся тенденции к умиротворению.

Литва, кажется, была последней из европейских стран, решившейся отказаться от коллективных обязательств по 16-му параграфу устава Лиги наций. Формально это было сделано министром иностранных дел Стасисом Лозорайтисом 21 сентября на ассамблее Лиги наций. В своем заявлении министр подчеркнул, что Литва, принимая по этому поводу решение, руководствовалась предложением Великобритании.³ В те же сентябрьские дни вопрос о судьбе Чехословакии

¹ Отчет министра иностранных дел Литвы С. Лозорайтиса от 2 сент. 1938 г. о беседах с послами иностранных государств по вопросу параграфа 16-го устава Лиги наций. Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ), ф. 648, оп. 1, д. 53, л. 309.

² Сообщение посла Литвы в СССР Ю. Балтрушайтиса от 24 июля 1938 г. ЦГАЛ, ф. 383, оп. 7, д. 1215, л. 201.

³ Ministro Lozoraičio kalba Ženevoje//Lietuvos aidas. 23.09.1938, №. 427; Справка: Взаимоотношения между СССР и Литвой. Архив внешней политики СССР (АВП СССР, ныне АВП РФ), ф. 151: Полпредство СССР в Литве, оп. 14, пор. 5, п. 15, л. 11.

достиг своей кульминации, и выбор Литвы, возможно, приобретал особую значимость.

Вскоре после подписания Мюнхенского соглашения из Лондона стали распространяться слухи, будто британский премьер-министр Невилл Чемберлен получил от Гитлера заверение, что Клайпеда «останется за Литвой». В Каунасе эту новость восприняли как награду за следование в фарватере Лондона. Лелеялась надежда на более легкое решение клайпедской проблемы. Однако это была иллюзия. После Мюнхена уровень британского влияния в регионе стал резко падать. Дальнейшие действия Лондона и Парижа не оставляли сомнений в том, что там не намерены препятствовать германской экспансии в направлении Клайпеды.

Тем временем Гитлер уже 24 октября вернулся к своей директиве от 18 марта, предписывавшей готовиться к оккупации Клайпеды «в ближайшее время», а 24 ноября это предписание было еще раз подтверждено. Германская агрессия была намечена на середину декабря, сразу после выборов в местный парламент. Давление на Литву усилилось до такой степени, что ее государственный аппарат был доведен до грани развала. В правительстве Литвы ухватились за идею возможности встречи с высшими руководителями рейха, надеясь таким образом достичь какого-то модус вивенди. Но в Берлине была принята установка избегать дипломатических встреч с литовцами, оказывать давление на правительство Литвы, добиваясь или ее добровольного отказа от Клайпеды, или полного подчинения литовского государства рейху.⁴

В конце ноября в высшем руководстве Третьего рейха произошло некое замешательство. 28 ноября (без всяких объяснений) оттуда поступило очередное распоряжение относительно Клайпеды, гласящее: «акцию отложить». По этому поводу тотчас появились разного рода домыслы. Думается, на такой поворот событий повлияла новая конъюнктура, складывавшаяся с ноября месяца в регионе Восточной Прибалтики.

Дело в том, что после Мюнхена руководство Германии начало оказывать давление на правительство Польши, до этого фактически шедшее с ним в ногу. Требования, которые рейх предъявил Польше, предполагали ограничение ее суверенитета (взамен была обещана некая компенсация за счет Литвы)⁵. Польское правительство такая перспектива явно не устраивала, и оно, дабы противодействовать давлению Германии, возобновило диалог с Советским Союзом. 26 ноября Москва и Варшава подписали совместное заявление. Наметившееся сближение Польши с Советским Союзом имело позитивное значение для Литвы, поскольку виды Германии на Клайпеду, хотя и в разной степени, не устраивали ни Советский Союз, ни Польшу, ни Литву. Москва в сближении с Варшавой была готова идти дальше: она предлагала проект гарантий странам Балтии или даже военный союз между ними, Польшей и Советским Союзом, направленный

⁴ *Tauber J. Memelland 1918–1939 [рукопись].* P. 110.

⁵ *Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej: 1918–1939/T. Jędruszczak, M. Nowak-Kiełbikowa (red.).* 2 t. T. II: 1933–1939. Warszawa, 1996. S. 201–204.

против германской экспансии.⁶ Но не доверявшая Москве Варшава так далеко идти не пожелала.⁷ Тем не менее с конца 1938 г. Польша начала демонстрировать свою заинтересованность в том, чтобы Клайпеда осталась за Литвой.⁸

Сведений о том, каким объемом информации о содержании советско-польского диалога располагал Берлин, нет. Однако можно предположить, что именно этот диалог заставил руководство Третьего рейха отложить реализацию своих планов относительно Клайпеды. Тенденции к совместным действиям государств на Востоке Европы могли стать существенным фактором, сдерживавшим германскую экспансию. Вполне вероятно, что руководству Третьего рейха требовалось какое-то время для выяснения реальных намерений Москвы и Варшавы. Думается, что доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. мог усилить уверенность германских руководителей в том, что Советский Союз не против стратегического сближения с Германией. Для Берлина не составило большого труда убедиться в том, что заинтересованность поляков проблемой Клайпеды была лишь попыткой отвлечь внимание рейха от собственно польских дел. Когда Литва в марте 1939 г., ввиду угрозы так называемого аншлюса, обратилась к Варшаве за помощью, отсюда не последовало никакого ответа.⁹

Однако потеря Клайпеды была обусловлена не только неблагоприятной международной конъюнктурой, но и внутренней политической борьбой в Литве. Принятие польского ультиматума вызвало резкое недовольство в обществе, и позиции режима Сметоны значительно ослабли. Против него стала складываться широкая коалиция, объединившая политические группировки от левых до крайне правых.¹⁰ Предлогом для новой волны критики властей стала клайпедская проблема. Поскольку правительство Сметоны пыталось сопротивляться давлению Германии, а в крайнем случае – ради сохранения суверенитета – было готово отказаться от Клайпеды, то оппозиция предпочла противоположную линию. Она стала ратовать за то, чтобы Литва пошла на основательное сближение с Германией, полагая, что таким образом клайпедская проблема решится как бы сама собой. Неформальный пропагандист этой идеи Казис Шкирпа, известный своими прогерманскими взглядами, с осени 1938 г. занял пост посла Литвы в Берлине.

Клайпеда стала основным местом оппозиционной деятельности, поскольку здесь в силу автономности края было больше свобод, чем в самой Литве. Как ни странно, но оппозицию, особенно ее либеральную часть, не смущало то обстоятельство, что сближение с Германией практически означало бы не только дальнейшие уступки прогермански настроенным элементам в Клайпедском крае, но

⁶ Сообщение Ю. Балтрушайтиса в Каунас от 26 нояб. 1938 г. ЦГАЛ, ф. 383, оп. 7, д. 2035, л. 11; Сообщение литовского посла в Великобритании Б. Балутиса в Каунас от 15 дек. 1938 г. ЦГАЛ, ф. 648, оп. 1, д. 8, л. 227.

⁷ *Mitkiewicz L.* Kauno atsiminimai: 1938–1939. Vilnius, 2002. P. 137–147.

⁸ Об этом свидетельствовала серия статей в польской печати, см., напр.: *Polityka*. 25.1.1939; *Kurier Wileński*. 15.1.1939; *Goniec Warszawski*. 2.2.1939.

⁹ *Łossowski P.* Kłajpeda kontra Memel: Problemy Kłajpedy w latach 1918–1939–1945. Warszawa, 2007. S. 172–173.

¹⁰ *Rudis G.* Jungtinis antismetoninės opozicijos sąjūdis 1938–1939 metais // Lietuvos istorijos metraštis: 1996 metai. Vilnius, 1997. P. 199–204.

и присоединение Литвы к Антикоминтерновскому пакту, введение здесь нюрнбергских законов и т.д. Наверное, на стремившихся к сближению с Германией граждан Литвы определенное влияние оказала так называемая «политика умиротворения агрессора». Подобные настроения особенно усилились осенью 1938 г., когда после подписания Мюнхенского соглашения создалось впечатление, что чуть ли не вся Европа последовала за Германией. В декабре 1938 г. правительство Сметоны решилось на жесткие меры: несколько деятелей оппозиции были арестованы и отданы под суд. Но позиции самого режима оставались зыбкими.

В середине марта 1939 г., когда участь Чехословакии была окончательно решена, до Каунаса дошли настораживающие сведения о приближении часа аншлюса. Шкирпе было поручено выяснить степень их достоверности. Он по возможности прозондировал германские инстанции, где его заверили, что эти сведения неверны. В свою очередь, он информировал об этом Каунас.¹¹ Тем временем министру иностранных дел Литвы Иозасу Урбшису в Риме, через итальянских властей, было передано неофициальное сообщение о том, что если он на пути в Каунас остановится в Берлине, то там его, наконец, примет фон Риббентроп.

Перед Урбшисом (как и перед правительством Сметоны в целом) возникла дилемма. С одной стороны, все члены кабинета понимали, что существует большая вероятность того, что, захватив в Берлин, Урбшис получит неприятную новость. Но, с другой стороны, существовала успокаивающая информация Шкирпы. К тому же рассматривались и последствия этого шага: если в Берлин не захватить, то это даст повод оппозиции упрекать правительство за то, что оно якобы упустило уникальный шанс полюбовно договориться с немцами. Взвесив все за и против, Урбшис в Берлин захватил и был принят фон Риббентропом, который в ультимативной форме потребовал от правительства Литвы безотлагательно согласиться на передачу Клайпедского края Германии. Урбшису удалось лишь отложить ответ на двое суток.

Правительство Литвы за это время успело оповестить все заинтересованные страны о требовании Германии и еще раз убедиться, что помощи ждать неоткуда. Тем не менее, ситуация для Сметоны и его окружения не была безнадежной. Германия потребовала отдать ей лишь Клайпедский край, а могла бы потребовать протекторат над всей Литвой. Для Германии в тот момент была важна видимость добровольного согласия Литвы на аншлюс. Можно лишь гадать, каким образом немцы добились бы «добровольного» согласия Литвы на аншлюс, если бы Урбшис не захватил в Берлин. Вопрос этот не праздный, поскольку от позиции Литвы в те мартовские дни в какой-то мере мог зависеть ход переговоров между Великобританией и СССР по поводу созыва так называемой «конференции шести» и подписания декларации по предотвращению агрессии.

Как бы там ни было, но вина за визит Урбшиса в Берлин пала не только на правительство, но и на самого лидера прогерманской ориентации. Не случайно Урбшис потребовал, чтобы в договоре о передаче Германии Клайпедского края рядом с его подписью стояла подпись Шкирпы (с германской стороны документ

¹¹ *Žostautaitė P. Klaipėdos kraštas 1923–1939. Vilnius, 1992. P. 325.*

подписал только фон Риббентроп). Шкирпа не сопротивлялся, видимо, рассчитывая на то, что договор с Германией (особенно статья о ненападении) определит в дальнейшем ориентацию Литвы.¹²

Тем временем политическая конъюнктура в Европе резко менялась. Вместо политики «умиротворения потенциального агрессора» временно вновь возобладала поиски курса, ориентированного на коллективную безопасность. Коалиция против режима Сметоны развалилась (представители ее либерального крыла отвернулись от прогерманских настроенных радикалов). Сам Сметона ловко реорганизовал правительство, включив в него представителей либеральной оппозиции (христианских демократов – хадеков и ляудининков, т.е. членов Союза крестьян Литвы – либеральной партии средней и мелкой буржуазии). В итоге режим пережил потерю Клайпеды.

Возвращение Вильнюса

С некоторой долей условности тогдашнюю ситуацию можно определить так: если потерю Литвою Клайпеды следует приписать главным образом тому, что российский фактор, говоря образно, был «вытолкнут» из Европы, то возвращение Вильнюса стало возможным благодаря тому, что этот фактор «вернулся» в Европу. Литва, чтобы это возвращение произошло, приложила все возможное усилие.

Как известно, после феноменального рывка Германии в марте 1939 г., когда она почти одновременно оказала давление на Чехословакию, Польшу, Румынию и Литву, произошло определенное ухудшение отношений между Германией и западными странами. В конце марта Великобритания объявила о своей готовности гарантировать помощь Польше в случае агрессии (позднее еще и Румынии) и предложила Советскому Союзу присоединиться к системе гарантий. Так начались трехсторонние переговоры между Лондоном, Парижем и Москвой, ознаменовавшие возвращение российского фактора в решение европейских дел.

К сожалению, до сих пор отсутствует полная картина хода трехсторонних переговоров. Известно, что 17 апреля 1939 г. Литвинов предложил правительствам западных держав советский проект гарантий, но без указания государств, которым эти гарантии будут предоставлены. Как объяснил Литвинов, перечисление государств «неизбежно было бы воспринято как прямое предложение Германии захватить Литву».¹³ Видимо, он имел в виду эвентуальный умысел, исходящий из статьи о ненападении между Германией и Литвой.

Тем временем вокруг Литвы сложилась весьма пикантная ситуация. С одной стороны, существенно усилилась привязанность Литвы к Германии после подписания договора о передаче ей Клайпеды. Могло даже показаться, что дни не-

¹² Подробнее см.: *Laurinavičius Č. Ką reiškia Lietuvai turėti Klaipėdą? // Acta historica Universitatis Klaipedensis. T. XXI. P. 5–31.*

¹³ СССР и Литва в годы Второй мировой войны: Сборник документов. В 2 т. / А. Каспаравичюс и др. (сост.). Вильнюс, 2006. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 гг.). Док. 2. С. 80–81.

зависимости Литвы сочтены. С другой стороны, после объявления Лондоном гарантий Польше Варшава явно осмелела и возобновила демонстрацию своей большой заинтересованности в сохранении литовского суверенитета. Поскольку конфликт между Германией и Польшей все усиливался, нейтралитет Литвы до поры до времени вполне устраивал обе страны. Литва могла балансировать между Германией и Польшей и объявлять, что она придерживается той же политики нейтралитета, что и Латвия с Эстонией.

Однако на деле политика стран Балтии не совпадала. Если Эстония и Латвия своим нейтралитетом пытались защититься от предлагаемых им советских гарантий, то Литва, напротив, не была удовлетворена тем обстоятельством, что ее не включили в предполагаемую систему гарантий Советского Союза и западных стран. По крайней мере те литовские дипломаты, которые были близки к окружению Сметоны, принимали меры к тому, чтобы влияние на Литву со стороны СССР усилилось, что делалось главным образом для того, чтобы создать противовес влиянию Германии и Польши.

15 мая 1939 г. новый посол Литвы в Москве Ладас Наткевичюс во время своей первой встречи с заместителем наркома иностранных дел СССР Владимиром Потемкиным поинтересовался, предусматриваются ли гарантии Литве на англо-советских переговорах. Оставленная без таких гарантий Литва, по словам посла, оказалась бы в «весьма опасном положении». Потемкин явно не хотел распространяться на сей счет. Он лишь заметил, что представители английской стороны во время трехсторонних переговоров в Москве ставили вопрос о советских гарантиях, но только сопредельным Советскому Союзу странам.¹⁴ Наткевичюса такой ответ не удовлетворил. Через несколько дней (20 мая) он снова попытался выяснить у Потемкина, каковы шансы Литвы на получение гарантий.¹⁵ 17 июня литовский посол в Риге Пранас Дайлиде прямо заявил полпреду СССР Ивану Зотову: Литва заинтересована в том, чтобы СССР, Великобритания и Франция предоставили ей гарантии. В противном случае Литва «попадет в зависимое положение от Польши и Германии, что не в интересах страны в целом».¹⁶ Посланник Литвы во Франции Пятрас Климас 27 июня в письме заместителю премьер-министра Литвы Казимерасу Бизаускасу советовал договориться с Москвой о том, чтобы Литва была включена в трехсторонние гарантии.¹⁷

Примечательно, что литовские дипломаты, пытавшиеся привлечь к Литве российское влияние, осуществляли свои демарши весьма осторожно. В документах отражены инициативы Наткевичюса, Климаса, Дайлиде, министра обороны Казиса Мустейкиса. Официально же Литва в отношении к возможным гарантиям демонстрировала позицию, аналогичную позиции Латвии и Эстонии, что и было выражено директором политического департамента (близким к христианским демократам) Эдвардасом Тураускасом в беседе с послом Великобритании в Литве Томасом Престоном 15 июня 1939 г. Оценив весьма скептически политику СССР, он затем предложил формулу для трехсторонних переговоров,

¹⁴ Там же. Док. 8. С. 94–96.

¹⁵ Там же. С. 96.

¹⁶ Там же. Док. 12. С. 105.

¹⁷ ЦГАЛ, ф. 383, оп. 7, д. 2143, л. 48–49.

согласно которой помощь стране-жертве могла быть оказана только по просьбе последней.¹⁸ С июля 1939 г., после того как Москва ужесточила свою позицию, выдвинув формулу так называемой «косвенной агрессии», демарши литовских дипломатов стали еще более осторожными.¹⁹

После начала войны Литва объявила нейтралитет и старалась его соблюдать, хотя ей пришлось выдержать сильное давление со стороны Германии, которая подталкивала Литву к ее заветной цели – к возвращению принадлежавшего до сих пор Польше Вильнюса. Примечательно, что Литва не поддавалась искушению по соображениям не только внешней, но и внутренней политики. С одной стороны, Сметона лично не испытывал симпатий к нацизму и не верил в возможность окончательной победы Германии. С другой стороны, если верить воспоминаниям Стасиса Раштикиса (в то время командующего войсками Литвы), при возможном походе на Вильнюс нельзя было исключать вероятность того, что прогерманские элементы попытаются отстранить Сметону от власти.²⁰ Однако такая ситуация не устроила бы не только правящую элиту, но и большинство оппозиционных сил. Хотя прогермански настроенных граждан в самой Литве в то время хватало, информация о том, что в случае похода литовских войск на Вильнюс в Литву тотчас придут «на помощь» переодетые в литовскую форму войска из Восточной Пруссии, убеждала даже прогерманские элементы, что лучше такой поход не начинать.²¹

Ситуация изменилась после того, как части Красной Армии заняли Вильнюс. 19 сентября Наткевичюса принял председатель СНК Вячеслав Молотов. Посол спросил его, каковы шансы Литвы вернуть себе Вильнюс на основе литовско-советского договора 1920 г.²² Поскольку ответ Молотова был обнадеживающим, литовские дипломаты тотчас информировали правительства западных стран о том, что Литва в ближайшее время вернет себе Вильнюс.²³ Иными словами, Литва не исключала, что сможет «получить» Вильнюс из рук Советского Союза.

Прибывшие в Москву члены литовской делегации, узнав от советских руководителей, каковы условия подписания возможного договора между СССР и Литвой, наверняка испытали шок. Главным образом из-за того, что Литве предстояло передать Германии часть литовской территории в Сувалкии. Однако когда из Берлина пришло заверение в том, что решение этого вопроса пока неактуально, острота переживаний явно притупилась. Основная дискуссия на литовско-советских переговорах развернулась по поводу выдвинутого советской стороной условия – о размещении баз Красной Армии в Литве.

¹⁸ *Каспаравичюс А. и др.* (сост.). СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. Док. 13. С. 106–107. Другим официально выдвигаемым проектом литовской дипломатии было зондирование возможности достичь признания нейтралитета Литвы всеми заинтересованными странами (возможно с Латвией и Эстонией).

¹⁹ Там же. Док. 19. С. 129.

²⁰ *Raštikis S. Kovose dėl Lietuvos: Kario atsiminimai.* Vilnius, 1990. Т. 1. P. 592.

²¹ Информацию из польских источников см.: ЦГАЛ, ф. 383, оп. 7, д. 2014, л. 11.

²² *Каспаравичюс А. и др.* (сост.). СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. Док. 36. С. 181–186.

²³ Там же. Док. 40. С. 194–196; Док. 45. С. 213–217.

Выполнение этого условия, несомненно, представляло опасность для суверенитета Литвы. Кроме того, оно задевало самолюбие литовской элиты, считавшей, что Литва – это особое государство, своего рода «буфер» (*état-tampon*) между Германией и Советским Союзом, а значит, судьба Эстонии и Латвии Литве грозить никак не может.²⁴ Однако судя по всему понятие «буфер», равно как и то, какова его реальная роль, в Каунасе трактовали чересчур формально. Литовская делегация на московских переговорах приводила разные доводы, пытаясь убедить советских руководителей в том, что дислокация в Литве советских военных баз нецелесообразна. Но – безуспешно. В результате переговоры затянулись и длились вдвое дольше, чем аналогичные переговоры Москвы с эстонцами и латышами.

Анализируя ход литовско-советских переговоров, приходишь к выводу, что правительство Литвы всерьез не обсуждало вопрос о том, принимать или нет советские условия. После того, как суть советских условий стала ясна (дислокация баз в обмен на возвращение Вильнюса), литовская сторона не выдвинула никаких веских контраргументов, чтобы противостоять шантажу. Хотя предпосылки для этого были. Инструкция фон Риббентропа от 5 октября 1939 г., в которой говорилось о неактуальности германских требований, касающихся территории Литвы, открывала кое-какие возможности для маневра на переговорах литовской делегации с представителями советской стороны.²⁵ Однако Урбшис во время переговоров уповал только на добрую волю советских руководителей и апеллировал к историческим традициям литовской государственности. После одной из его длинных речей присутствовавший на переговорах Сталин, убедившись, что у членов литовской делегации воля к сопротивлению явно отсутствует, прервал выступление Урбшиса совсем уж не учтливой репликой: «Вы слишком много доказываете, молодой человек».²⁶

Создается впечатление, что литовская сторона стремилась по возможности затянуть переговоры, чтобы хоть как-то сохранить лицо. В самой Литве серьезных возражений по поводу подписания договора с Советским Союзом не наблюдалось. Литовское общество было явно увлечено перспективой вернуть историческую столицу, и этим обстоятельством, без сомнения, пользовалось советское руководство. Но и Сметона сумел извлечь некоторую выгоду из создавшегося положения. Во время московских переговоров в литовскую делегацию были включены представители христианских демократов (Раштикис, Бижаускас). Таким способом ответственность за проблематичный договор (на сей раз с Советами) режим опять разделил с главной оппозиционной группировкой. Уже после того как Вильнюс с прилегающими к нему районами перешел во вла-

²⁴ *Turauskas E. Lietuvos nepriklausomybės netenkant. Kaunas, 1990. P. 77.*

²⁵ Подробнее см.: *Laurinavičius Č. The Baltic States between the World Wars: Foreign Policy Options and the Problem of Neutrality // Die baltischen Staaten im Schnittpunkt der Entwicklungen: Vergangenheit und Gegenwart / C. Goehrke u. a. (Hrsg.). Basel, 2002. S. 121–132.*

²⁶ *Urbšys J. Lietuva lemtingaisiais 1939–1940 metais. Vilnius, 1988. P. 32; Raštikis S. Kovose dėl Lietuvos. P. 614; Turauskas E. Lietuvos nepriklausomybės netenkant. P. 124; Škirpa K. Lietuvos nepriklausomybės sutemos: 1938–1940: Atsiminimai ir dokumentai. Chicago; Vilnius, 1996. P. 255.*

дение Литвы, Сметона в очередной раз реорганизовал правительство, удалив наиболее строптивых оппозиционеров и укрепив на какое-то время собственные позиции.

Ошибочные решения

Историки, размышляя о политике советского руководства, касающейся стран Балтии в 1940 г., приходят к заключению, что все решения обосновывались главным образом двумя мотивами: имперскими устремлениями и соображениями безопасности.²⁷ Конечно, исходной позицией для таких выводов ретроспективно служит факт насильственного включения стран Балтии в СССР. При этом, однако, эти выводы, как правило, основываются только на косвенных доказательствах, поскольку до сих пор не найдено документов, непосредственно указывающих на то, когда точно и по каким конкретным мотивам принимались решения относительно стран Балтии. Поэтому изучение по возможности всех косвенных обстоятельств, могущих пролить свет на интересующий нас предмет, по-прежнему остается одной из актуальных задач. В этом смысле, думается, имеет значение и знание конкретных действий Литвы, а именно: изучение ее национальной политики в Вильнюсском крае в отношении поляков и поведение Литвы в отношении представителей советской стороны.

Касательно Вильнюсского края можно сказать, что и сам Сметона, и его окружение, конечно, понимали, какие сложности внутреннего и внешнего порядка свалились на Литву вместе с обретением края. Поэтому изначальная установка литовских властей по отношению к населению края была осторожной и умеренной: они стремились учитывать национальную специфику края и по возможности не разрывать связей с правительством Польши (в то время уже находившемся в эмиграции во Франции). Хотя в официальной литовской прессе не раз подчеркивалось, что долгожданный переход Вильнюса под литовское управление состоялся, в реальности край непосредственно в Литву не был включен. На учрежденную правительством для управления краем должность уполномоченного был назначен Меркис – один из ближайших сподвижников Сметоны.

Планы литовского правительства – перенять управление Вильнюсом как можно мягче – разрушила реакция местного польского населения. С первых же дней литовского пребывания в Вильнюсе начались демонстрации и погромы, заставившие Сметону изменить свои планы. Меркис был переведен в Каунас, где возглавил правительство, а на его место был назначен христианский демократ Бизаускас. Такой рокировкой Сметона, возможно, преследовал две цели: во-первых, свалить всю тяжесть проблем Вильнюса на плечи христианских де-

²⁷ *Лебедева Н. С.* Германия и присоединение Литвы к СССР // *Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР: Материалы международной конференции* / А. О. Чубарьян (отв. ред.). М., 2006. С. 246–267; *Чубарьян А. О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008. С. 251–292.

мократов, во-вторых, учитывая пропольскую ориентацию хадеков, по возможности не испортить отношения с поляками. Однако Сметона просчитался.

Хадеки повели себя иначе, не так, как от них ожидали. Они стали ратовать за ускорение переноса столицы в Вильнюс, а также за проведение в крае радикальной земельной реформы (чему воспрепятствовал Сметона). Но главное, Бизаускас начал форсировать литвинизацию Вильнюсского края, прибегая к все более жестким мерам в отношении польского населения. Примечательно, что принимаемые Бизаускасом меры против поляков в Вильнюсе особенно ужесточились весной 1940 г.

Можно предположить, что хадеки рассчитывали путем активизации литовского национализма подорвать позиции Сметоны. Это устраивало как радикалов из правящей партии таутининкай, недовольных либерализмом Сметоны, так и левых радикалов. В итоге хадеки добились своего: позиции Сметоны были подорваны, но вместе с ними – и позиции самого литовского государства.

Дело в том, что польский фактор имел немаловажное значение для международных позиций Литвы. После подписания литовско-советского договора в октябре 1939 г. польский посол в знак протеста демонстративно покинул Литву, правда, в дальнейшем польское эмигрантское правительство восстановило связи с Каунасом. Практически находившееся в эмиграции правительство Польши как бы санкционировало возвращение Вильнюса Литве, какое-то время даже закрывало глаза на действия литовских властей в отношении поляков. Такая позиция польского правительства диктовалась простым расчетом: переход Вильнюсского края под власть Литвы был наименьшим злом для поляков. Это стало особенно очевидным после начала «зимней войны» (нападения Советского Союза на Финляндию). Тогда западные страны тоже оказались на грани войны с Советским Союзом. Кстати сказать, благожелательное отношение к Литве польского правительства и правительств западных стран в то время вполне устраивало советское руководство, озабоченное трудностями в войне с финнами. В подобной ситуации для него было важно не порвать окончательно связи с Западом.

После подписания мира с Финляндией в марте 1940 г. отношения Советского Союза со странами Запада начали улучшаться, а после окончания «странной войны» в Западной Европе фактор Советского Союза становился для западных стран все более и более важным. В таком контексте Литва утрачивала свое прежнее значение на международной арене, и как результат этого, польское правительство перестало притворяться, что оно не замечает творящихся в Вильнюсе безобразий. В конце апреля и в начале мая польское правительство сделало несколько резких заявлений, по сути приравняв Литву к так называемым вражеским государствам (фактически имелась в виду Германия). В то время заявления польского правительства жестко контролировались цензурой Парижа и Лондона. Поэтому можно сказать, что Литву к вражеским государствам приравнивал Запад в целом.²⁸ Неизвестно, учитывало ли советское руководство, ре-

²⁸ Подробнее см.: *Лауринавичюс Ч.* Вильнюс во власти Литвы 1939–1940 гг: внутренние и внешние аспекты // *Чубарьян А. О.* (отв. ред.). *Международный кризис 1939–1941.* С. 228–245.

шив оказать давление на Литву в мае 1940 г., то обстоятельство, что ее авторитет на Западе подорван, хотя, несомненно, это обстоятельство объективно играло на руку Советского Союза.

До сих пор не совсем ясно, почему именно с весны 1940 г. в Вильнюсе стали усиливаться антипольские настроения. Не исчерпывающий проблемы ответ может быть таким: раскрученный ранее маховик национализма уже невозможно было остановить, он обрел самостоятельное ускорение. (Особой нетерпимостью отличались литовские студенты, приезжавшие в Вильнюс из Каунаса, чтобы вести шумную борьбу с польскими националистами.)

Но этому факту возможно и другое объяснение. В начале 1940 г. близкий к хадекам командующий войсками Раштикис опубликовал статью, в которой призывал правительство не откладывать перенесение столицы в Вильнюс и провести в крае земельную реформу. Сметоне и его окружению стало ясно, что хадеки делают ставку на народную революцию, которая свергнет неугодный им режим. Кроме того, хадеки готовились к ситуации, при которой будет возможна оккупация Латвии советскими войсками²⁹. Примечательно, что, всячески подчеркивая социальный и национальный аспекты своей идеологии, они рассчитывали сохранить влияние в народе даже в условиях советизации.³⁰ При такой расстановке сил Сметоне и его сторонникам ничего не оставалось, как только по мере возможности имитировать, что они тоже располагают ресурсами для того, чтобы удержать в своих руках власть.

Следует заметить, что, несмотря на выдвинутые ранее некоторыми историками версии, до сих пор не нашлось прямых доказательств того, что литовские власти имели какие-то договоренности с Германией против Советского Союза. Скорее всего, таких договоренностей не было. Сомнительны также версии, что литовское правительство серьезно обсуждало возможности создания военного союза стран Балтии. Гораздо вероятнее, что правительство Сметоны пыталось лишь спекулировать с целью усиления своего имиджа. К тому же у Литвы были кое-какие объективные причины для таких спекуляций.

Хотя осенью 1939 г. стало очевидно, что страны Балтии попали в сферу влияния Советского Союза, однако в отношении Литвы полной ясности не было. Главным образом потому, что согласно Секретному дополнительному протоколу к пакту Молотова-Риббентропа, подписанному 28 сентября 1939 г., часть литовской территории осталась за Германией. Поскольку литовскому руководству это обстоятельство стало известно (Сталин сам сказал об этом Урбшису), то появились предположения, что Германия полностью от Литвы не отказалась. Эти опасения усиливались, когда с конца 1939 г. стало ясно, что Германия не намерена спешить с переселением немецкого населения из Литвы. Значение фактора Германии росло на фоне слабого авторитета Красной Армии, показавшей

²⁹ Любопытно, что когда Сметона отправил Раштикиса в отставку, советский посол в Литве Н. Поздняков, сообщая об этом в Москву, не смог объяснить, по какой причине был снят Раштикис (см.: *Каспаравичюс А. и др.* (сост.). СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. Док. 135. С. 500).

³⁰ *Свараускас А.* Социально-политическая платформа литовских христианских демократов в период 1918–1940 г. [Докторская диссертация, рукопись].

себя достаточно слабой в «зимней войне». Можно добавить, что в апреле 1940 г. Литва была вынуждена подписать с Германией очень невыгодный для нее торговый договор, а Советский Союз, по некоторым данным, Литве помочь отказался. Учитывая все это, не приходится удивляться тому, что в Каунасе и впрямь могли засомневаться по поводу того, в чьей же на самом деле сфере влияния находится Литва.

Думается, сторонники Сметоны ради поддержания своего властного престижа могли воспользоваться спекуляциями о сильной Германии и слабом Советском Союзе. К такому выводу в первую очередь подводит знакомство с отчетами о встречах посла в Москве Наткевичюса с советскими дипломатами. Судя по этим отчетам, приблизительно с конца 1939 г. Наткевичюс на этих встречах стал вести себя увереннее. Читая отчеты о беседах с Молотовым и другими советскими представителями, можно заметить, что весной 1940 г. Наткевичюс выдвигал не один десяток разных требований, и представители советской стороны были вынуждены так или иначе на это реагировать.³¹ Любопытно, что во время одной из бесед Молотов как бы в шутку заметил, что «неправильно ставить вопрос о трофеях». Однако и после этого Наткевичюс своего настроения не менял.³² Действительно, могло создаться впечатление, что Литва не находится в зоне влияния СССР. Только после ноты Молотова, врученной Наткевичюсу 25 мая, ситуация стала абсолютно ясной.

Из другого блока документов – переписки советских дипломатических представителей в Литве – следует, что ее позиция стала настораживать советскую сторону с конца 1939 г. Но вот что примечательно: судя по донесениям советских дипломатов в Москву, они не обращали особого внимания на специфику литовско-польских отношений и не вникали в суть борьбы между группировкой Сметоны и хадеками. Главный мотив их донесений – это испытываемый ими определенный психологический дискомфорт, обусловленный тем, что в Литве не наблюдалось ни подобающего уважительного отношения к Советскому Союзу, ни благодарности ему за возвращение Вильнюса. По мнению советских дипломатов, литовские власти были к этому причастны, как, впрочем, и ко многому другому. Например, к тому, что в литовском обществе во время «зимней войны» преобладали симпатии к финнам, к тому, что в Литве распространялись анекдоты о советских военных, к тому, что в литовской печати доминировала информация западных, а не советских агентств. По свидетельству посла Николая Позднякова советские представители в Литве чувствовали себя такими «простачками».³³

Анализ этих упреков и обид советских представителей позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, их причиной отчасти была объективно существовав-

³¹ *Каспаравичюс А. и др.* (сост.). СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. Док. 92. С. 378–381; Док. 100. С. 395–397; Док. 102. С. 404–406; Док. 108. С. 421–424; Док. 123. С. 444–448; Док. 132. С. 490–490; см. также: АВП СССР (ныне АВП РФ), ф. Деканозова, оп. 2, пор. 86, п. 8, л. 120–128; пор. 87, п. 8, л. 37–45.

³² *Каспаравичюс А. и др.* (сост.). СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. Док. 123. С. 445.

³³ Там же. Док. 135. С. 502.

шая разница в шкале ценностей, с которой столкнулись советские люди в стране с другим общественным строем. С другой стороны, похоже, что за всеми реалиями, которые так раздражали советских дипломатов в Литве, скрывалось лишь желание литовцев не выставлять напоказ слабость своих позиций. Однако в Москве наверняка решили, что за этим скрывается – или может скрываться – какая-то сила, представляющая опасность для Советского Союза.

Итак, можно констатировать, что к весне 1940 г. позиции Литвы на международной арене значительно ослабли: из-за конфликта с поляками, а внутри страны – из-за разногласий главных политических сил. Это обстоятельство, по крайней мере объективно, способствовало беспрепятственному советскому проникновению в Литву летом 1940 г. На основании всего сказанного можно с той или иной долей вероятности утверждать, что как у советских представителей, так и у политических группировок Литвы, не было адекватного понимания ситуации. Думается, что Молотов, принявший Меркиса в начале июня 1940 г. и своим поведением его совершенно подавивший, мог убедиться, что за Литвой не стоит никакой реальной силы.³⁴ Несомненно, что Сметона, получивший ультиматум Москвы, понял, что на сей раз он проиграл. Наверняка и хадеки должны были также понять это, когда, предложив кандидатуру Раштикиса на пост нового премьер-министра Литвы, получили от Молотова отказ.³⁵ Но непосредственные последствия ошибок для обеих сторон, разумеется, были разными.

³⁴ Отчеты из дневника В. М. Молотова о беседах с А. Меркисом в начале июня 1940 г. см.: там же. Док. 165. С. 562–565; Док. 169. С. 573–577; Док. 171. С. 579–585.

³⁵ Там же. Док. 179. С. 602.